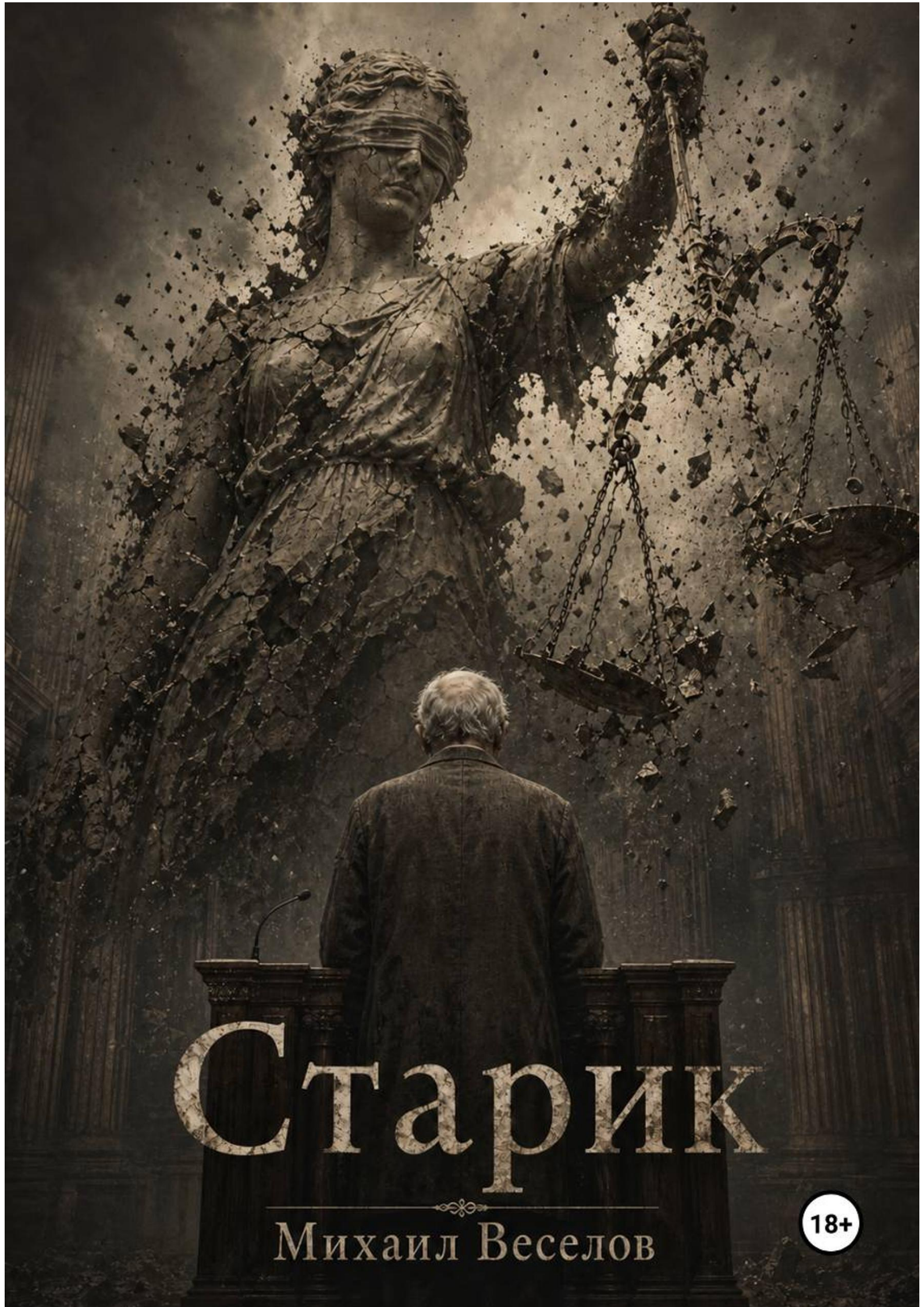

Старик
Михаил Веселов
18+

Михаил Веселов

Старик

«Автор»
2026

Веселов М.

Старик / М. Веселов — «Автор», 2026

«Мы ленивы и нелюбопытны» - эта досадная фраза литературного классика давно превратилась в настоящее клеймо для всякого русского человека. Автор в своем рассказе, казалось бы, полностью соглашается с данной характеристикой. Однако сам рассказ, по сути, является аргументом опровергающим ее. Главные герои книги образованы, активны и объединены одной общей целью - сделать мир вокруг себя чуточку лучше. Белым пятном выделяются они на фоне окружающей серости и убожества. Но без них этот самый народ не полон.

© Веселов М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 7
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Старик

От автора

О чем это повествование? Что хотел сказать автор? Много ли в нем вымысла? На эти и другие вопросы я хочу ответить сразу, перед тем, как вы начнете читать рассказ.

История, о которой пойдет речь, описывает небольшой, но очень важный отрезок жизни главных героев – представителей двух поколений небольшого провинциального городка.

Герой рассказа – отставной советский руководитель и настоящий, идейный коммунист. В рассказе я чаще называю его стариком, а не по имени и отчеству. Это не пренебрежение, не нарочитое подчеркивание возраста и не указание на отрицательные возрастные изменения, связанные с мышлением и поступками. В контексте рассказа старик – это почтенный аксакал, настоящий кладезь мудрости, с огромным жизненным и профессиональным опытом. К сожалению, такие люди зачастую пребывают в интеллектуальном одиночестве, поскольку ставшая традицией привычка решать проблемы логически не находит понимания у окружающих.

Наш герой родился в здешних краях, но волею судьбы рано оказался оторванным от родных мест. Его внутренние ценности, человеческие и профессиональные качества формировались вдали от малой родины - в суровых условиях урановых рудников Киргизии и золотодобывающих приисков холодной Якутии. Вернувшись на родину глубоким пенсионером, он не понимает и не принимает здешний уклад. Не желает жить жизнью провинциального обывателя. Его до глубины души возмущает окружающая несправедливость, и он изо всех сил пытается противостоять существующим порочным правилам. Он ищет единомышленников, а когда не находит, то продолжает следовать собственным убеждениям и принципам, принимая бой в одиночестве. И так до самого конца. До своего физического конца…

Но мой рассказ не ограничивается примитивным пересказом биографии главного героя. В нем описывается множество насущных бытовых и общественных проблем, так или иначе знакомых каждому читателю. Наши герои на протяжении всего повествования много размышляют и находятся в постоянном поиске путей их решения.

Впрочем, я не стану пересказывать, лучше читайте сами. Многие, я полагаю, сумеют внутренне обогатиться, сумеют найти в рассказе что-то полезное для себя. А кто-то обретет новое знание, познакомится с невидимой доселе небольшой страничкой жизни провинциального города, о которой раньше и не догадывался.

Последнее, что бы я хотел пояснить. Поскольку я не обладаю необходимым опытом и литературным талантом, то главное достоинство своего рассказа вижу в его честности, в правдивости описания. Все происходило именно так, как рассказано. Даже длинные монологи и разговоры главных героев по сути своей не выдуманы. Так они и беседовали, то самое и обсуждали (других общих интересов у них попросту не было). При этом все собственные имена главных героев рассказа, за исключением самого старика, на всякий случай вымышлены. Но это не влияет на суть повествования.

Разумеется, что, как и всякий автор, я предлагаю читателю посмотреть вокруг моими глазами, увидеть мир таким, каким его вижу я. Посмотреть, кто, на взгляд автора, является настоящим современным героем и достоин всяческого уважения, а кто нет. Вы можете с этим спорить, категорически или частично отрицать, не соглашаться. Всё это личное дело каждого, это право читателя, и я его уважаю.

Но таков уж мой личный взгляд, мой собственный внутренний мир, и другого, по всей видимости, уже не будет.

«Я никогда не платил жуликам…»

Судья, не поднимая глаз на присутствующих, скороговоркой бубнил себе под нос привычное:

- В F-ском городском суде рассматривается гражданское дело по иску общества с ограниченной ответственностью Управляющая компания «…» к Галкину Игорю Ивановичу о взыскании задолженности за ремонт и содержание жилого помещения за период … в сумме…, пени за просрочку платежей за период … в сумме…, судебные издержки в размере…

90-летний Игорь Иванович Галкин, обвиненный в неуплате услуг управляющей компании, внимательно всматривался в каменное лицо судьи, пытаясь по губам прочитать сказанное. В силу возраста он почти не слышал, а тут и не всякий здоровый-то человек сумеет разобрать судейское бормотание. Сашка держал его за руку, давая понять, что все под контролем, что он все слышит и понимает, что нужные слова у него давно заготовлены и чуть позже он даст свой ответ. А пока надо послушать.

Наконец, после зачитывания искового заявления и соблюдения обязательных процедур, предваряющих разбор дела по существу, судья попросил Игоря Ивановича пояснить свою позицию: почему он не признает за собой долг?

Тот встал, обвел глазами присутствующих, поправил старенький слуховой аппарат и, убедившись, что все его внимательно слушают, чуть дрожащим голосом, делая паузы и старательно подбирая каждое слово, негромко произнес:

- Ваша честь, я не признаю исковых требований управляющей компании. Я не считаю себя должником перед ней, потому что не нарушал ни закона, ни условий заключенного между нами договора.

Ему было тяжело говорить. Он остановился, перевел дыхание.

- Я прожил очень долгую и непростую жизнь…

Тяжело вздохнул и твердо добавил:

- Но я никогда… Я **НИКОГДА** не платил жуликам!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Странный старик

Давно это было…

В домоуправлении, где Сашка Веснушкин работал мастером, с самого утра сновали туда-сюда вечно недовольные посетители, атакуя своими бедами и проблемами. Было шумно и суетно.

Впрочем, мастеров, которые годами варятся в этой толчее и суматохе, не прошибить ничем. Кожа у них толстая, а взгляд суровый. На озлобленных и раздраженных жителей давно выработался прочный иммунитет. Ни мольбами их не возьмешь, ни агрессией. Эти люди ко всему привыкшие.

Внимание Сашки привлек высокий седовласый старик, который скромно стоял у двери начальника и терпеливо дожидался его прихода. На нем был старомодный костюм, а в руках - немного потертый, но в целом хорошо сохранившийся старинный кожаный портфель, этакий непременный атрибут советского чиновника конца пятидесятых. Внешность старика источала исключительное спокойствие и уверенность умного интеллигентного человека, резко контрастируя с возбужденными и неуравновешенными посетителями-крикунами.

К Сашкиному начальнику, Шмелеву Павлу Павловичу, все без исключения работники домоуправления относились без пиетета. У каждого к нему были свои претензии, старые и свежие обиды. Сашка не уважал его за полное отсутствие деловых качеств, за безынициативность, некомпетентность, абсолютную неспособность руководить и принимать решения.

Сам Сашка, напротив, был молод, смышлен, его кипучая энергия била через край и могла свернуть горы. Но, зажатый рамками примитивных должностных обязанностей мастера, он ужасно скучал. Его энергия не находила выхода, и с некоторых пор он стал ощущать профессиональную деградацию.

Павел Павлович слыл человеком малообразованным. Рыболовно-промышленный техникум да небольшой стаж работы на каком-то рыбоперерабатывающем заводе – вот и весь нехитрый багаж навыков и умений. Надо сказать, совершенно бесполезных в жилищно-коммунальной сфере.

И самообразованием Павел Павлович не занимался. В его кабинете не водилась ни техническая, ни юридическая, ни какая-либо иная литература. А компьютер он видел только в кабинете бухгалтеров, но так и не научился отличать монитор от принтера.

Тем не менее, благодаря особому внутреннему чутью, способности безошибочно угадывать желания начальства и моментально, беспрекословно исполнять любые указания сверху, Павел Павлович заработал репутацию лучшего начальника среди всех пяти городских домоуправлений.

Сашка прошел мимо старика в шумный, прокуренный кабинет мастеров и занялся утренней бумажной рутиной. Вскоре в кабинет заглянул Шмелев:

- Евгенич, отложи-ко пока свои дела в сторонку. Пойдем ко мне. Надо кое-что обсудить.

В кабинете начальника сидел тот самый старик, а на столе были разложены его исписанные широким почерком листки с какими-то подписями и резолюциями. Сашка поздоровался.

- Познакомься, Александр Евгеньевич. Это Галкин Игорь Иванович. Он проживает в нашем фонде и очень недоволен тем, как мы работаем. Платить вот за квартиру не хочет. Совсем, говорит, мы ничего не делаем.

Сашка осуждающе посмотрел на старика.

- А какие-либо конкретные претензии у Игоря Ивановича имеются? Как это так мы ничего не делаем? – с плохо скрываемым раздражением проворчал он.

Старик обернулся к Сашке.

- Что ж, давайте я еще раз изложу суть вопроса, - заговорил старик рассудительно, не спеша, твердым и поучительным тоном школьного учителя: - Так вот, ежемесячно, в положенный срок и в полном объеме я оплачиваю счета, которые вы мне выставляете. Но взамен не получаю услуг должного качества. Я живу в доме с постоянно текущей крышей, с подвалом, полным нечистот, с разбитыми окнами в подъездах, в грязном неблагоустроенном дворе. Конкретные претензии изложены во всех тех заявлениях, что на протяжении двух лет я подаю в ваш адрес. Но ни одно из них до сих пор не исполнено, и это дает мне право говорить, что вы ничего по дому не делаете.

Сашка с Павлом Павловичем удивленно переглянулись. Старик посмотрел на них, выждал паузу, но, не дождавшись ответа, продолжил.

- А еще меня не устраивает качество коммунальных услуг. Холодная вода подается нерегулярно, а на ночь отключается напрочь. Горячую воду я вижу только семь месяцев в году, в отопительный период. С мая по сентябрь ее нет. Отопительный сезон начинается поздно, а заканчивается раньше положенного. Температура теплоносителя в системе отопления недостаточная, отчего в квартире зимой очень холодно и от сырости стены покрываются плесенью. При этом плату за отопление вы, не стыдясь, выставляете круглогодично в полном объеме. Как все это прикажете понимать?

Павел Павлович немного смутился, но быстро взял себя в руки и принялся оправдываться:

- Игорь Иванович, ну что вы? Хотя… в чем-то вы правы, конечно. И все же я бы попросил вас не быть столь категоричным. Мы много что делаем и по закрепленному за нами жилому фонду в целом и конкретно по вашему дому... Да, не без недостатков. А у кого их нет? Мы работаем. Вот смотрите. Дежурная служба у нас функционирует? Да! В случае аварии вы круглосуточно можете звонить - и рабочие приедут. Мусор, что жители выносят из квартир на мусорку, кто вывозит и утилизирует? Мы! А дом к отопительному сезону кто готовит? Мы готовим. Снег зимой убираем, дорожки посыпаем. Что вы еще хотите? А по заявкам нам Александр Евгеньевич сейчас пояснит.

Неожиданная передача хода Павлом Павловичем Сашке ужасно не понравилась.

«Делает вид, что ничего не знает. Как всегда хочет на меня свалить», - со злостью подумал он.

- А что тут можно пояснить? – как ни в чем ни бывало принялся докладывать Сашка. – У меня всего пять строителей на пятьдесят домов. Но это численность по табелю. На самом деле их четверо, потому что кто-то всякий раз отсутствует по уважительной причине - в отпуске, болеет или еще что. Например, если я где-то начинаю ремонт кровли, то все строители разом будут заняты на одном этом объекте до тех пор, пока не закончат. Примерно то же и по слесарям. Но, несмотря на все трудности, мы работаем. Конечно, в первую очередь стараемся выполнять первоочередные заявки, то есть те, где существует явная угроза безопасности людей или имуществу. Согласен, что не всегда и не везде успеваем. Штучно мы можем выполнить качественно и в срок любую заявку. Но для массового, системного подхода нужны ресурсы. Нужны люди и материалы. А это не мой вопрос, не мой уровень.

Старик, по всей видимости, был готов к такому повороту дела. «Нет денег, материалов, рабочих…» - сколько раз ему приходилось слышать подобные слова в чиновничьих кабинетах. Он не спеша собрал со стола и сложил в папочку свои бумаги, после чего негромко, но твердо произнес:

- Ну вот что. Я не хочу вникать и распутывать проблемы вашего предприятия. Со всем этим разбирайтесь без меня. А я пришел с конкретным предложением. Давайте заключать

договор. Письменный договор на техническое обслуживание моей квартиры. В договоре четко пропишем всё, что полагается по закону, урегулируем все вопросы и разногласия. И в дальнейшем, на его основе, будем строить наши взаимоотношения. А до тех пор, пока мы не заключим договор, я отказываюсь оплачивать суммы, указанные в ваших квитанциях.

Павел Павлович, поначалу было растерявшийся, неожиданно оживился.

- Конечно, Игорь Иванович! Да мы же только за! Вы пройдите с Александром Евгеньевичем, он вам по договору все пояснит. Мы как раз массово заключаем договора с жителями. Даже людей со стороны наняли, чтобы обходили дома. Очень хорошо, что вы сами изъявили желание! Сейчас все сделаем!

Сашка отвел старика в кабинет мастеров, где на полках старого потрепанного шкафа стопками лежали отпечатанные в типографии бланки договоров. Он взял парочку свеженьких, еще пахнущих типографской краской, и с напускным равнодушием протянул старику:

- Вот договор. В конце поставьте вашу подпись и далее ее расшифровку полностью. Один экземпляр забирайте себе, второй будет храниться у нас.

Старик посмотрел на скучный, мелко напечатанный текст, потом перевел глаза на Сашку. Задумался. Взял в руки протянутые бумаги и неожиданно заявил:

- Я, с вашего позволения, возьму текст договора с собой. Мне нужно сначала с ним ознакомиться. Дома посмотрю, изучу, а потом мы с вами поговорим. Хорошо?

Сашка настолько удивился, что на несколько секунд буквально впал в ступор. Молча стоял, смотрел на старика и хлопал глазами.

Небывалое дело! До этого момента он заключил многие десятки или даже сотни договоров, но еще никто, ни один житель не попытался его хотя бы прочитать.

«Что он собирается в нем увидеть? Сам черт не разберет что там написано. Одни общие фразы. Я и сам до конца не осилил. Странный все-таки старик этот Галкин», - размышлял Сашка.

Договор

Старик вернулся через несколько дней. Протянул Сашке договор и какие-то исписанные листки.

- Я готов заключить ваш договор, но при условии, что вы подпишете мой протокол разногласий. Если согласны, то будем считать, что все спорные вопросы мы уладили.

Сашка принялся читать и обомлел. Протокол, состоявший всего из четырех пунктов, привел его в сильное замешательство.

По всей видимости, старик основательно подготовился и, кроме текста договора, успел изучить законы. Он требовал для себя следующее:

Оплата услуг по техническому обслуживанию квартиры должна производиться ежемесячно после выполнения работ исполнителем и их принятия заказчиком с обязательным подписанием акта приемки.

Сашка прочитал и… замер. Затем прочитал снова и с недоумением посмотрел на старика. Тот слегка улыбнулся и пояснил:

- Вы все правильно поняли. Я отказываюсь от прежнего алгоритма оплаты жилищных услуг. Меня не устраивает ежемесячная абонентская плата по фиксированной ставке, потому что оплата услуг управляющей компании должна зависеть от качества и объемов выполненных работ. Закон о защите прав потребителей наделяет меня правом требовать от вас выполнения этого условия. А вы, соответственно, обязаны подчиниться выбранной мной схеме.

Сашка удивился, недоуменно пожал плечами и принялся читать дальше.

Ежедневная круглосуточная и бесперебойная подача холодной и горячей воды.

Он отложил бумагу в сторону.

- Послушайте, Игорь Иванович. Вы же понимаете, что это условие для нас неприемлемо? Мы не можем круглосуточно подавать холодную воду, потому что её просто-напросто не хватает. Ночью воду накапливают, наполняют резервуары для того, чтобы бесперебойно подавать днем. Отсутствие горячего водоснабжения в летний период тоже вполне объяснимо. Запускать мощные фабричные котельные только для производства горячей воды абсолютно нерентабельно. Фабрики и так на грани банкротства. Им эта горячая вода для населения как удавка на шею. Таковы сегодняшние реалии. Вы же разумный человек, должны понимать. Что вы дурака-то валяете? Зачем требуете заведомо неосуществимого?

Старик строго посмотрел на Сашку. Ему совсем не нравился развязный тон своего молодого оппонента.

- А почему вы перекладываете на меня, пенсионера, проблемы, которыми должны заниматься городские власти? Какие шаги вы сами-то предпринимаете в этом направлении? Фабрикам невыгодно снабжать население горячей водой? Надо сделать так, чтобы было выгодно. В конце концов пусть городские власти изыскивают ресурсы и дотируют, покрывают эти убытки. Жилой фонд не фабрикам принадлежит, он муниципальный. Обязанность по обеспечению качественными коммунальными услугами населения лежит на муниципалитете и на вас. Потому что вы – МУП, вы – руки и инструмент муниципалитета. Вот и действуйте. Кстати, о модульных миникотельных ничего не слышали? О том, что их можно купить, арендовать, взять в лизинг? Нет? Так поинтересуйтесь на досуге.

Разговор со сведущим стариком совсем не клеился. Да и что мог возразить Сашка на его справедливые требования? Он лишь пожал плечами, снова взял листок и продолжил чтение.

3. *Оплата услуг по отоплению производится в течение отопительного периода*.

Сашка начинал заводиться. Тыча пальцем в листок, едва сдерживаясь, чтобы не перейти на крик, он выпалил старику:

- Послушайте, никто вот эти ваши «хотелки» исполнять не станет! По всему городу отопление начисляют круглогодично, и ради вас менять существующую схему не будут. Если разложить плату за отопление на семь месяцев вместо двенадцати, ее размер существенно вырастет. Круглогодичная же разбивка сделана в интересах населения для уменьшения бремени и сглаживания пиков коммунальных начислений.

На самом деле Сашка, конечно, знал, что лукавит. Было видно, что и старик понимал это.

Дело в том, что отопительный сезон в городе всякий раз начинался с приличным опозданием, а заканчивался, наоборот, гораздо раньше положенного. В зимнее время температура теплоносителя в системе обычно не соответствовала нормативным значениям. К тому же во многих домах система центрального отопления сама по себе работала плохо. Где-то она была переделана народными умельцами или нерадивыми работниками домоуправления, где-то банально забита грязью. Поэтому стояки отопления при низком давлении, невысокой температуре теплоносителя прогревались плохо и в домах было холодно. Для отвода глаз и успокоения надзорных органов коммунальщики делали населению какие-то копеечные перерасчеты. Вот только перерасчеты эти производились непосредственно за месяц, в который отопление отсутствовало или подавалось некачественно. В летние же месяцы о зимних перерасчетах все «забывали» и плата всякий раз начислялась полностью. Конечно, это был обман. Старик сумел разобраться и своим требованием пытался привести начисления в порядок.

4. *За нарушение условий договора исполнитель уплачивает заказчику неустойку и пени в соответствии с нормами закона «О защите прав потребителей».*

Сашка прочитал раз. Перечитал снова. Задумался.

Он был молод, горяч, но в юридических вопросах несведущ. А так хотелось возразить, поставить на место наглого старикашку!

С другой стороны, история выходила занимательная. Знакомство и общение с рассудительным стариком внезапно пробудило в нем профессиональный интерес и обещало быть

полезным. Это что же получается? Оказывается, можно не подмахивать договор не глядя, а не соглашаться? Заявлять о своих правах и собственных интересах?

Ну уж не-ет. Сашка сдаваться не хотел. Он привык возражать, по-мальчишески спорить до последнего и по молодости не признавать очевидного.

Поэтому перед тем как отнести требования старика начальнику, он высокомерно, с нарочито подчеркнутой вежливостью вывалил последний и, как ему казалось, самый убойный аргумент:

- Видите ли, уважаемый Игорь Иванович… у нас договор - типовой. Он для всех одинаковый. Мы не можем вносить в него какие-либо правки. Поэтому вы должны подписать наш вариант, без вот этого вашего… творчества.

Старик усмехнулся. У него на мгновение даже возникло желание ответить резко, поставить на место зарвавшегося молодого выскочку, но он быстро взял себя в руки и погасил эмоции.

- А вы, я смотрю, довольно необычно представляете себе процедуру заключения договора. Слово «договор» корреспондируется со словом «договариваться», не так ли? Вы, уж коли беретесь за это дело, так поинтересуйтесь на досуге хотя бы базовыми принципами договорных отношений – равноправием сторон, свободным волеизъявлением и так далее… Почему это вы полагаете, что я непременно обязан подчиниться и подписать вами разработанный вариант? А вы не задумывались над тем, что если законодательство не предполагает для меня возможности по внесению изменений в положения вашего варианта договора, то и мое согласие, моя подпись на нем никакого значение не имеет? Для чего вы требуете от людей подпись? Зачем вам вообще заключать какой-то договор, если полагаете, что и так все должно быть по-вашему?

- Ну, знаете что… Мы оказываем услуги на одинаковых условиях для всех. И никому никаких преференций делать не собираемся.

Старик серьезно разозлил Сашку. Он с плохо скрываемым раздражением схватил со стола листки и направился к начальнику.

Павел Павлович прочитал текст, по обыкновению ничего не понял и принял привычное решение - переправил начальникам выше. Дескать, у них головы большие – пусть думают.

Те тоже почитали, почесали затылки и переправили дальше – в юридический отдел для изучения.

Долго еще Сашке не давали покоя бумаги старика. Разумеется, он наперед знал, что изложенные в них революционные предложения не могут быть приняты. Где ж такое видано? Жители должны дисциплинированно оплачивать то, что написано в квитанции. Без вариантов. А этот что? Самый хитрый? Ишь чего захотел!

Никакого ответа на свои предложения старик так и не получил. Да и Сашка его бумаг больше не видел. Затерялись они среди сотен других где-то в недрах юридического отдела.

С тех пор перестал старик оплачивать услуги. Как и обещал. И через некоторое время перешел в категорию злостных неплательщиков.

Суд

В повседневной рутине, беготне и суматохе коммунальщики стали забывать несговорчивого старика, как вдруг… Из суда пришла повестка и исковое заявление Галкина Игоря Ивановича о списании задолженности за техническое обслуживание квартиры и понуждении к заключению договора в его редакции.

Не забыл, выходит, старик-то.

- Странный человек, этот Галкин, - делился Сашка с коллегами. – Не здешний, должно быть, не из наших мест. Как-то уж совсем не похож на типичного F-ца. Наши люди – фабричные, простые, отзывчивые. Трудности понимают, счета без лишних вопросов оплачивают, в

судебные споры не лезут. Иные могут, конечно, накричать, расскандалиться. Но это, скорее, по скудоумию. Покричат-покричат да и успокоятся. А этот – важный, рассудительный, эмоции при себе держит. А ведь как одевается! В наглаженном костюме, всегда при портфеле. Как начальник какой-нибудь. Вот интересно, где он работал?

- Мужики, а прикиньте, если он суд выиграет? А после по его стопам и другие потянутся. Чего тогда делать-то будем?

До судного дня оставалась ровно неделя. Она тянулась мучительно долго для Сашки. Эмоции переполняли его. К старику он испытывал противоречивые чувства. С одной стороны, он понимал, что старик вроде бы даже прав. Но с другой…

«Не нравится, как мы работаем? Тоже мне, борец за правду выискался. Ну так уезжай отсюда. Поищи где лучше», - размышлял Сашка.

Он настолько увлекся, что не заметил, как заговорил вслух.

- Ну и где ты найдешь? Да нигде. Везде так живут. И не выступают. А этот… лезет куда не просят… Откуда только такие берутся?

Наступил день суда.

Сашка пришел вместе с юристом, Володей Бобковым. Тот выстроил, казалось бы, непробиваемую линию защиты.

- Стороны, - важно заявил он суду, - свободны в заключении договоров. Никто никого к заключению договора понудить не может. Это один из базовых постулатов нашего гражданского законодательства. Поэтому иск Галкина о понуждении к заключению договора должен быть отклонен.

Лицо старика не выдавало эмоций. Он спокойно смотрел на Володю, слушал, иногда что-то записывал. Было видно, что он готов к любому развитию событий, а аргументы юриста, опровергающие его притязания, не кажутся ему весомыми.

- Кроме того, мы вовсе не против заключения договора, - продолжал свои рассуждения Володя, - наоборот, мы сами хотим этого. Однако истец хочет заключить индивидуальный договор, на персональных условиях. Но Гражданский кодекс не позволяет нам заключать разные договора с жителями одного дома. Условия договора должны быть одинаковыми для всех. Что же касается условий нашего варианта договора, то они вовсе не кабальные, как полагает Галкин. За основу взят типовой договор найма жилого помещения, разработанный Правительством, текст которого мы адаптировали для собственников квартир. Гражданин не вправе вносить изменения в типовые договора, разработанные Правительством. Таким образом, все, что прописано в нашей редакции договора, полностью соответствует закону, и права ответчика не нарушаются.

Логичное, как показалось Сашке, выступление юриста вчистую разбилось о короткую судейскую реплику:

- Представитель ответчика, договор на техническое обслуживание приватизированной квартиры, речь о котором идет в данном судебном процессе, относится к публичным договорам. У таких договоров несколько иные правила заключения. Принцип свободы договора, о котором вы поведали суду, при заключении публичных договоров существенно ограничен. Что же касается типовых договоров, разрабатываемых Правительством РФ, то типовых договоров для собственников квартир на сегодняшний день не существует.

Слово предоставили старику.

- Ваша честь, я выступлю очень коротко, потому что все мои аргументы изложены в исковом заявлении, а ответчик не сумел привести доводы, их опровергающие. Единственное, что я хочу особо отметить. Все мои требования базируются на законе о защите прав потребителей. Заключая договор, я всего-навсего прошу соблюдать нормы указанного закона. Их нельзя изменить никаким договором, поскольку договор не может быть выше, не может противоречить закону. Домоуправление настаивает на своих кабальных условиях, не идет на ком-

промиссы и тем самым нарушает данные мне законом права потребителя. Я не спорю, многое из того, что предлагает управляющая компания, закон не запрещает. Например, авансирование услуг, то есть оплату вперед. Это я имею в виду ежемесячную абонентскую плату, что выставляет домоуправление. Они ведь вперед выставляют, верно? Но, как говорит закон, такое возможно только с согласия потребителя. А я своего согласия не даю. Я настаиваю на том, чтобы ответчик сначала выполнил работу и только после этого требовал оплату. Что же касается обвинений в том, что я добиваюсь для себя какого-то особого, персонального договора… так я с этим согласен. Я хочу заключить именно такой договор. Двусторонний договор, по которому одной стороной является управляющая компания, а другой – собственник квартиры, то есть я. До собственников других квартир и какие они заключают договора мне нет никакого дела. Они действуют сами, в своих интересах, от своего имени. Я больше не буду отнимать время, прошу только суд не допустить ущемления моих прав как потребителя услуг, направить наши взаимоотношения с управляющей компанией в русло закона.

Володя был опытным юристом. Он все понял. Нутром почуял, что дело не в его сторону оборачивается.

- Ваша честь, я прошу объявить перерыв. Мне нужно переговорить с истцом и предложить ему мировое соглашение.

Условия мирового соглашения оказались сногсшибательными. Старик оказался очень жестким переговорщиком. В обмен на отказ от исковых требований, он потребовал от коммунальщиков списать до копейки все, что ранее было начислено. То есть всю так называемую «задолженность».

Но самое главное, он потребовал, чтобы до того момента, пока не будет заключен письменный договор, домоуправление взяло бы на себя обязательство не выставлять счетов за свои услуги.

Мировое соглашение на этих удивительных условиях было заверено судом и вступило в законную силу.

Разумеется, все понимали, что означенный в соглашении момент заключения договора никогда не наступит. Никто с дотошным стариком связываться не станет. Проще сделать вид, что его нет и вообще отказаться от начисления платы. Не бог весть какой убыток для огромного предприятия. Потому что выгоднее ублажить одного и продолжать собирать деньги с остальных, нежели заниматься разрешением сложных коммунальных проблем, нести затраты, изыскивать ресурсы. Другими словами – работать так, как предписывает закон, учитывая интересы всех.

Так в провинциальном городке F появился человек, которому суд фактически разрешил не оплачивать жилищные услуги.

Многое почерпнул для себя Сашка из этой истории. Глубокий след оставила она в его памяти.

И только годы спустя понял он, что не материальной выгоды искал старик. Невольно исповедуя солженицынский наказ «жить не по лжи», он полагал, что через совершение правильных и честных поступков мир вокруг станет чуточку лучше. В чем-то по-детски наивный, воспитанный в советской стране старик верил в торжество разума, доброты и справедливости. Так он боролся с несправедливостью.

Встреча

С той поры исчез старик, а Сашка, ошарашенный судебным решением, очень хотел его увидеть. Он сидел за своим столом у окна и без конца бросал взгляд на пустую улицу. Иногда Сашка вскакивал от неожиданности, ему казалось, что он слышит шаги и вот уже отворилась дверь, а в проеме стоит какой-то человек. Увы, всякий раз это был не тот, кого он ждал, а

какой-нибудь очередной назойливый посетитель. Эмоционально настроенный, либо, наоборот, заглядывающий в глаза, с подобострастием протягивающий свою челобитную, в которой изложена нижайшая просьба обратить внимание на худую крышу или протекающие трубы, плесень по стенам квартиры или растекшиеся по подвалу нечистоты.

Сашке было скучно. И от бесконечных проблем, и от этих подобострастных, бесхитростных, безвольных людей. Ему нужно было увидеть старика.

Что хотел Сашка? Да о том он и не задумывался. Старик сумел преподать хороший жизненный урок, а Сашке хотелось большего.

Слабый всегда тянется к сильному…

Однажды, когда схлынули былые эмоции и растаяли всякие надежды на встречу, он вдруг увидел знакомую фигуру. Старик, погруженный в какие-то свои мысли, шел по улице все с тем же неразлучным портфелем. Он не заметил ошалевшего Сашку и прошел мимо.

Сашка остановился. Он сверлил глазами старика, но еще некоторое время робел, не признавался. А старик уходил… Он шел все дальше и дальше. Сашка стоял и молча смотрел вслед. И только когда фигура старика почти скрылась во дворах, он неожиданно опомнился. Рванул за ним и еще издали закричал:

- Игорь Иванович!.. Игорь Иванович! Подождите!

Старик услышал, обернулся и, чуть прищурившись, с некоторым удивлением принялся рассматривать приближающегося Сашку.

- Игорь Иванович, здравствуйте. Вы меня не узнаете? Я - Александр из домоуправления, мы с вами еще договор заключали…

- А-а… Александр… Да-да, помню.

Сашка не знал как дальше продолжить беседу, что еще сказать и замолчал. Он чувствовал себя неловко. Старик немного постоял, подождал, а затем неожиданно спросил:

- Слушай, а какое у тебя образование? Высшее? Техническое?

- Да, высшее техническое. Я инженер-строитель.

- Вот и у меня техническое. Я тут как раз над одной интересной темой голову ломаю. И раз уж мы оба технари, то надо бы с тобой отдельно встретиться и обсудить. Ты когда сможешь?

Сашка ответил не раздумывая:

- Да когда хотите, хоть сегодня.

- Тогда давай я запишу тебе адрес и домашний телефон на всякий случай.

Старик достал из портфеля клочок бумаги, что-то написал и протянул Сашке:

- На вот, держи. Буду ждать тебя вечером.

***

Как же все-таки непредсказуемо устроена жизнь. Еще вчера ничего подобного Сашка и представить себе не мог, а сегодня он гостит у старика и ведет беседу.

Его жена, милая улыбчивая бабушка небольшого росточка испекла по этому случаю яблочный пирог. Сашка со стариком, словно старые приятели, уселись за столом, чаевничают. Старик с неподдельной, искренней заинтересованностью расспрашивает Сашку, внимательно слушает, что тот отвечает.

Сашка между тем заприметил, что старика больше всего интересуют его компетенции. Что и когда закончил, где работал, чем занимался… И почему он, молодой, образованный, столько лет работает на одном месте да все в одной должности? Почему нет движения по служебной лестнице?

- Ты знаешь, мне ведь тут директор ваш звонил, Соколов. Дело сразу после суда было. Позвал на разговор. И я сходил. Мы у него в кабинете посидели, чайку попили, поговорили о том о сём. Он меня, кстати, на работу приглашал.

Старик усмехнулся.

- Я отказался, конечно. Мне уж как-никак семьдесят шесть стукнуло. Какая тут работа… Пообсуждали с ним разные коммунальные вопросы. Он мне все вашего никчемного Павла Павловича в пример ставит. Я слушал-слушал, а потом не выдержал. Возмутился и прямо с плеча ему рубанул: «Ты бы этого своего Павла Павловича гнал в шею. Он у тебя… да дурак просто! Ты же руководитель огромного предприятия! Неужели не видишь? Ничего не понимает, ни в чем не разбирается, знать ничего не знает да и не хочет. Где ты только такого откопал? А тот защищать кинулся: «Да ты что! Он у меня самый лучший сотрудник, лучший начальник участка!»

Старик отхлебнул от чашки и расхохотался.

- Саша, ты представляешь? Этот жалкий человек, это порождение отрицательной селекции у него, оказывается, лучший работник! А я совсем завелся. Говорю, какой это, на хрен, начальник? Тупой бессловесный исполнитель. Абсолютно необучаемый, не способный ни организовать, ни руководить. Такой даже с бригадой дворников работу завалит. Ты к нему на участок съезди как-нибудь невзначай, посмотри, поговори с людьми. Там ребята у него мастерами работают. Молодые, образованные. На них все еще как-то держится. Вот их двигай, а от этого избавляйся не раздумывая. Он помеха всему.

- Про образованного мастера, это вы на меня что ли намекаете, Игорь Иванович?

- И на тебя, и на коллегу твоего, тоже ведь парень хороший. Вы бы на пару отлично справились.

Старик замолчал, по-видимому ожидая Сашкиной реакции. Но тот ограничился коротким вопросом.

- И что же он вам ответил?

- Да ничего. Перевел разговор на другое. Попросил оставить вас в покое и больше ни во что не вмешиваться. И, чтобы умаслить, пообещал мне помочь индивидуальное отопление в квартиру провести. Надо только котел самому купить.

- Да-а… Ну дела…

Они закончили чаепитие и прошли в комнату. Книги! Повсюду книги! Много книг. Хороших книг.

Уселись за большим, массивным столом. Старик принес аккуратную папку с документами и было принялся раскладывать, но вдруг, хлопнув себя по лбу, остановился и предложил:

- А давай я тебе для начала вина налью? У меня все свое. Такого нигде не попробуешь! Есть из черной рябины, есть из смородины. А самое лучшее – из малины. Пожалуй, мы его и откроем!

Сашка было пожал плечами, а после тряхнул головой, согласился. Они сидели за столом и дегустировали самое вкусное на свете, по крайней мере, так тогда показалось Сашке, малиновое вино. По его телу разлилось приятное тепло, и вскоре он начал ощущать незначительные колебания гравитации.

Лицо старика приняло чуть красноватый оттенок. Он поставил на стол наполовину опустошенный бокал и задумчиво произнес:

- Одиночество... штука такая… Жизнь прожита. Хочется повспоминать, поговорить, поделиться. А ведь не с кем. Одни живем. Ох, какую я интересную жизнь прожил. Давай я тебе порассказываю, если интересно?

Воспоминания, воспоминания…

Честно признаться, старик попал в чувствительное место. Была у Сашки такая особенность - с самых малых лет слушать рассказы людей, жизнь повидавших. Когда он был совсем маленьким – слушал с упоением рассказы своей бабушки Тони. Как сразу после войны работала она в городишке F в продуктовом магазине. А в магазине том, на стене, аккурат напротив

входной двери над столом для упаковки продуктов висел огромный портрет усатого вождя. В ожидании особого почитания вождь со стены строго всматривался в лицо каждого входящего покупателя. Боялись люди усатого властелина, глаз не подымали, робели. Но как-то раз один мужчина, имевший, судя по всему, серьезные личные причины, осмелев от внушительной дозы спиртного, принялся громко ругаться. Затем с невероятной для нетрезвого человека ловкостью одним махом вскочил на стол, сорвал со стены портрет и что есть силы грохнул его об пол. Началась заваруха, шум, крики. Забрали мужика в милицию и бабушку тоже. Дескать давай рассказывай, как этот нетрезвый гражданин Сталина ругал и портрет его кинул.

Жалко стало бабушке мужичка, и сказала она: «Не виноват он ни в чем. Пьяный же был. Сдуру на стол залез да не удержался. Мотнуло его и, чтобы не упасть, за портрет схватился. Вот и уронил». Записали милиционеры бабкины показания, и… случилось чудо - отпустили мужичка-то. Вышли на улицу вместе. Так он на колени перед бабкой бросился. Благодарил.

Много бабушка Сашке сказывала, да рано умерла. Ему едва тринадцать исполнилось… Потом он переключился на другую бабушку. Та была словоохотлива, и Сашка часами напролет слушал ее истории о том, «как было раньше». Спустя много лет, незадолго до ее смерти он даже записал несколько магнитофонных кассет с бабкиными воспоминаниями. Вот одно из них.

Дедушку особо почитаемого в городишке F советского поэта Михаила Дудина звали Павел Иванович, а бабушку Сашкиной бабушки Кати – Анфисой Ивановной. Павел Иванович с Анфисой Ивановной были родными братом и сестрой. Дедушка Павел слыл знахарем, к которому в Клевнево из окрестных деревень стекался за помощью самый разнообразный люд.

Молодой девчонкой ходила к нему и Сашкина бабушка, как-никак родственник. Маленький мальчик Миша, тот самый будущий советский поэт, не шибко интересовал ее. А вот дед…

«Дед Павел жил в приделке, пристроенном к дому дяди Саши, не пуская туда никого. О нем ходили слухи, что он колдун. И правда, он заговаривал укусы змей, лечил ветрянку и тельники какими-то травами и настойками на «стрешничке» — студеной воде, набранной в Молохте, против течения». Так в повести «Где наша не пропадала» Михаил Дудин жизнеописует деда Павла. Все эти рассказы и даже в куда больших подробностях Сашка не раз слыхивал от своей бабушки, но вот история смерти деда Павла его потрясла особо.

«Дед Павел умер неожиданно. Спал он в своем приделке на печке. Наверно, ночью во сне захотелось ему повернуться. Повернулся и упал. На полу стоял чугун с картошкой. Ударился дед Павел головой о чугун и умер», - бесхитростно описывал его смерть советский писатель.

Версия Сашкиной бабушки, не предназначенная для широкого круга советских читателей, выглядела совершенно иначе.

- Дедушка Павел колдун был. Маманьку мою замуж выдали за сына бабки Анфисы при его участии. Она не хотела выходить. Всем женихам отказывала. А свататься к ней и знатные приезжали, но всех назад отправляла. Из Богородского один жених был. Богатый. Один сын в семье! Приехал к нам в Мельцаево. Белый конь в яблоках под ним так и пляшет… А маманька и за него тоже не пошла, отказала. Ругался дядя Капитон, брат: «Ну что ты, сестра, всем отказываешь?» Она хоть и не шибко красивая была, лицо после болезни оспинами отмечено, но трудолюбивая-а! В поле никто за ней угнаться не мог. Руки крепкие, хваткие. А жала как! Как две горсти – так и сноп, еще две горсти — второй! Папанька же из бедной многодетной семьи был. И внешне неказист. На худой лошаденке приехал. И только спросил дядя Капитон: «Ну что, пойдешь за него?» Так маманька сразу же и согласилась. Вот как.

Дядя Капитон потом сказывал, что они накануне к деду Павлу ходили. Тот папаньку научил, чтобы прежде как в дом входить, сначала надо два раза вокруг обойти да слова́ прочитать. Они так и сделали. И маманька уже не смогла отказать. Потом я народилась, сестра Наталья и брат Ваня. Я была старшая, и меня посылали в Клевнево к деду Павлу за настойками и водой целебной. Он поучал меня набирать водичку в Молохте, да чтоб непременно против течения. Понимаешь? Против Бога он шел, нехорошим занимался. Бывало, придет в храм в

Вязовском, свечи пудовые ставит, грехи замаливает. А как страшно он умирал! Не дал ему Господь уйти легко. Всё мучил перед смертью. Он на печи долго лежал, днем и ночью кричал от боли. Спуститься сам уж не мог. О-ох! Как тяжело и долго умира-ал! Так его сын, Александр Павлович, не выдержал. С печки-то и сбросил. Убил.

С малых лет Сашку тянуло к взрослым: послушать рассказы, прикоснуться к их мудрости, поучиться уму-разуму.

Нужно ли говорить, что, когда старик предложил ему свой рассказ, он ужасно обрадовался.

Как всегда неторопливо подбирая слова, старик принялся рассказывать.

- Я родился в двадцать восьмом году, недалеко от F, тогда город еще Середой назывался, в селе Михальково. На войну не попал. Наш год, двадцать восьмой, уже не призывали. После школы поехал учиться в Иваново, в автотранспортный техникум. Закончил уже после войны, в сорок шестом году, с отличием. В тот самый день, когда мы получали дипломы, нас, немногих наиболее успешных выпускников, пригласили в отдельный кабинет на беседу. В пустом кабинете за столом всего один человек сидел - какой-то незнакомый мужчина в гражданской одежде. Этот мужчина, как потом оказалось, был из органов, из КГБ. Он беседовал с нами по отдельности, с глазу на глаз, и каждому сделал предложение. А мне предложил он вот что. Ты ведь знаешь, что американцы, когда воевали против Японии, взорвали две атомные бомбы. Чтобы всему миру продемонстрировать свою мощь и могущество. Руководство нашей страны понимало, какую опасность для нас несет обладание Америкой ядерной бомбой. Нужно было срочно восстанавливать паритет, создавать собственное аналогичное оружие. Возглавить это дело поручили Берии. Его принято сейчас ругать. За преступления, за ГУЛАГ… Это все так, но тогда именно он сумел быстро создать атомную промышленность. В короткие сроки, с пустого места, из ничего. За это я его очень уважаю. Он показал себя выдающимся организатором. По всей стране принялись искать специалистов. Тех, кто будет в этом участвовать. По предприятиям ездили особые уполномоченные сотрудники и подбирали кадры для будущего производства. Вот к нам один такой и приехал.

Старик задумался и, немного пригубив вина, продолжил.

- Говорит мне этот штатский, что хочет предложить интересную работу по специальности. С хорошей зарплатой и перспективами, со спецобеспечением. В общем, в случае принятия его условий, ждет меня прекрасное будущее, полный достаток, ни в чем нуждаться не буду. Представь себе, Саша. После войны кругом разруха, полки в магазинах пусты. Я – простой парень из деревни, только что получивший специальность, стоящий на перепутье. И одна у меня дорога – назад в свою деревню возвращаться, в колхоз. Работать с утра до ночи за трудодни, не иметь даже паспорта. А тут такая соблазнительная перспектива открывается! Всего лишь навсего требуется мое согласие. Мне только кивнуть, согласиться - и все дороги открыты. Личное дело они перед этим наверняка изучили и теперь ждут от меня ответа. Я спрашиваю его: «А что за работа-то? И где?» Он ответил, что пока не вправе раскрывать подробности. Только сказал, что работать предстоит на урановых рудниках. Стране необходим уран. Где-то на юге открыли месторождение и нужны те, кто сумеет наладить добычу и перевозку породы на предприятие для дальнейшей переработки. Я не стал раздумывать, сразу и согласился. А какой у меня выбор, что мне терять? Я еще не женатый. Возвращаться обратно, жить в разрухе и потихоньку спиваться, как другие, никакого желания не было. Хотелось по молодости активности, карьеры, реализации своих способностей. А тут такие перспективы открываются! Участвовать в масштабном государственном проекте! Мечта! И к тому же Родина позвала! А мы тогда за Родину не раздумывая и жизнь положить были готовы. Как можно отказаться? Штатский напоследок велел никому ничего не рассказывать. Даже моим сокурсникам, что тоже с ним беседовали. Вот так я оказался в Киргизии. В городе Майли Сай.

В комнату тихонько вошла жена старика и скромно присела рядом. Сашка невольно залюбовался. Они выглядели удивительно гармоничной парой, настоящими русскими интеллигентами. Очарованный Сашка, погрузившись в какие-то свои мысли, ненадолго даже перестал слышать старика. Старик между тем продолжал рассказывать.

- Ты знаешь, Саша, что меня поразило первым делом? Организовать все производство поручили молодежи! У нас в городке практически не было людей старше тридцати. Кругом только молодые – вчерашние выпускники ВУЗов и техникумов. Берия принял интересное и очень правильное решение - сделать ставку на нас, на молодых. Он нам, молодежи, доверил и не прогадал. Когда я приехал, то никакого производства, о котором говорил штатский, не было и в помине. Нужно было все создавать с нуля. Меня назначили начальником несуществующей автобазы и тут же поставили задачу: в самые короткие сроки ее построить и организовать вывозку урановых пород с рудников. Ты представляешь, Саша? Мне, молодому, неопытному, страна сразу поручила такое дело! Ох, с каким энтузиазмом я принялся за работу! И в конце концов у меня все получилось. Я справился. Если бы ты знал, сколько всяких производственных и жизненных проблем приходилось решать! Тут тебе и вопросы строительства, подвод всяких коммуникаций, последующее обслуживание. Договора, подрядчики, субподрядчики, поставка и обслуживание самой разнообразной техники… даже той, о какой я раньше и слыхом не слыхивал. Самообразованием по ночам занимался, днем-то некогда было. Институт заочно кончил, потом второй. Второй – это по партийной линии, высшую партийную школу. Я ведь коммунист, Саша. С женой будущей там же познакомился. Она у меня медик. Двоих детей народили…

Старик неожиданно замолчал и о чем-то глубоко задумался.

- А где же они сейчас, дети-то? – поинтересовался Сашка.

Ему показалось, что лицо у старика неожиданно потемнело. Он как-то сгорбился и выдавил из себя:

- Старший сын… он был ко мне ближе… Любимый. Но он погиб. Нет его больше. А с младшим мы почти не общаемся. Тот живет в Латвии, сюда ехать не хочет. Я ему говорю, приезжай, мол. Мы с матерью уже старые. Показал бы ему что к чему, а то как будет в наследство вступать, так сразу-то и не разберется. Но нет, не едет. Изредка перезваниваемся.

Старик вздохнул.

- И чего он там нашел, в чужой стране? Живет без гражданства, на птичьих правах. Работы нормальной нет. Даже язык и тот не выучил…

Загадочный норматив

Долго сидели в тишине. Сашка не пытался прервать молчание, а принялся разглядывать разложенные по столу бумаги. В них крупным размашистым почерком были начертаны какие-то формулы, цифры. Тут же что-то перечеркано, исправлено… На первый взгляд ничего не разобрать.

Наконец старик отвлекся от своих мыслей и обратил внимание на Сашкин интерес к его записям.

- Вот ведь как, Саша. Чуть было не забыл для чего тебя пригласил. Вместо разговора о деле жизнь свою принялся рассказывать.

Старик надел очки, вынул из кипы бумаг какую-то газетную вырезку и протянул Сашке.

- Почитай-ко, что тут написано.

Небольшая заметка из местной газеты повествовала об увеличении платы за отопление в связи с повышением норматива. Сашка об этой истории знал, но она совсем не казалась ему заслуживающей внимания.

- Так это, Игорь Иванович, старая тема. По-моему, тут все понятно. Раньше стоимость отопления раскладывалась на двенадцать месяцев, а теперь депутаты, кстати, по вашим заветам, постановили перейти на семь. Соответственно плата за отопление в перерасчете за один месяц выросла. Чистая математика. Она и так сама по себе постоянно растет, а тут еще период начислений сократили. Потому повышение получилось очень заметное. Аккурат в два раза.

Сашке показалось, что по лицу старика пробежала едва заметная тень. Он недовольно поморщился и принялся возражать:

- Нет, Саша. Ты не понял. Плата за отопление выросла не по этой причине. Она повысилась оттого, что депутаты изменили норматив количества тепла, затрачиваемого для отопления одного квадратного метра общей площади. Ты не спеши с выводами, а вникни и почувствуй разницу. Если раньше считалось, что расход тепла на отопление одного квадратного метра составляет восемнадцать тысячных гигакалории в месяц, то по новому депутатскому постановлению на отопление того же квадратного метра в тот же самый месяц нужно уже три сотых. То есть почти вдвое больше. Ты понимаешь что произошло? Депутаты постановили, что для отопления квартиры нужно поставить вдвое больше тепла, нежели раньше. Получается, что они своим решением переселили нас куда-то на крайний север, за полярный круг. Ведь так получается?

Старик вопросительно посмотрел на Сашку. Но тому никак не давалась логика его рассуждений.

- Нет, Игорь Иванович. Я не понимаю. Давайте лучше не будем вдаваться в сложные рассуждения, а составим простую математическую пропорцию. Разложим прежнюю стоимость отопления не на 12, а на 7 месяцев. И тогда мы увидим, что повышение случилось именно по этой причине. Разве не так?

- Да какая пропорция, Саша? Количество тепла на отопление одного квадратного метра квартиры зависит только от внешних, природных факторов, а не от каких-то пропорций и, тем более, не от депутатского решения! Величину эту мы получаем расчетным способом, то есть инженерным расчетом. А ты мне какую-то пропорцию предлагаешь…

Старик заметно нервничал. Он взял со стола толстую потрепанную тетрадь в клеточку и протянул Сашке.

- Вот посмотри. Здесь все мои расчеты. Штука в том, что как ни крути, но больше пятнадцати тысячных гигакалории не получается. А у нас депутаты за три сотых проголосовали единогласно. У них, видимо, и вопросов не возникло.

Старик вздохнул и продолжил.

- Ну хорошо, допустим я ошибся. Все может быть. Так я потому тебя и пригласил. Я хочу, чтобы ты расчеты проверил. Возьми вот книжки мои, справочники. Попробуй сам посчитать. Методика совсем простая, разберешься.

На том и порешили. Сашка взял бумаги старика и стал собираться домой.

Техническая задача

Все последующие дни он жил только этой темой. Крутил разные формулы и так и сяк, но единственное чего добился, так это цифры в семнадцать тысячных гигакалории. Это было на две тысячных больше, чем у старика, но сильно не дотягивало до депутатских трех сотых.

Отчаявшись, Сашка отправился к старику.

- Не вышло у меня, Игорь Иванович, по вашим книжкам. Что только я не пробовал. Ничего не получилось. Я бился-бился и наконец решил все посчитать с самого-самого начала, без использования общеизвестных справочных данных. Сделал теплотехнический расчет ограждающих конструкций для нашей климатической зоны, пересчитал толщину стен и перекрытий с учетом толщины утеплителя, выполнил расчет на инфильтрацию, ветровые

нагрузки и связанные с ними теплопотери, посмотрел розу ветров. Я учел инсоляцию, то есть ориентированность вашей квартиры на юг, учел выделение тепла от приготовления пищи в самой квартире и тепло, которое выделяют проживающие люди… И так далее, и так далее. Но ничего у меня не получилось. Ни к каким трем сотым я даже не приблизился. И все-таки, я уверен, что мы где-то ошибаемся. Надо бы еще с кем-то посоветоваться. Может быть, выйти на кого-нибудь из депутатов? Они все единогласно проголосовали, значит в чем-то разобрались, все у них получилось.

Старик на секунду задумался.

- Да ничего у них не получилось. Наплевать им на все. Эти депутаты…, - старик на секунду замолчал, подбирая приличное слово, - случайные люди просто. Ты знаешь, а я тут с Вороновым познакомился. С депутатом. Он, оказывается, в соседнем доме живет. Слышал о нем?

- Еще бы не слышать. Коммунист, бывший директор какого-то завода. По местному телевидению частенько его выступления показывают. Он вроде того, что за народ ратует, все время чего-то критикует. Кстати, как раз на жилищно-коммунальных темах специализируется. Но… - Сашка задумался, подбирая слова, - я почему-то не верю ему, какой-то неискренностью, казенщиной от него разит. Между прочим, почетный гражданин района.

- Ну… не знаю. Но ведь ты понимаешь, он же коммунист! И я тоже коммунист. Думал, найдем с ним общий язык. Пригласил его к себе. И он не отказался, пришел. Посидели, поговорили. Я ему про наш норматив рассказал. Спрашиваю, как вы три сотых-то получили? И ты знаешь, что он ответил?

- Что?

Старик усмехнулся.

- А это, говорит, нам сверху спустили…

Сашка сокрушенно покачал головой.

- Саша, ты представляешь? Им эти три сотых спустили «сверху» и велели принять. Они не стали разбираться, и, словно роботы, послушно проголосовали.

Старик не на шутку разволновался. Его руки предательски задрожали, дыхание стало прерывистым, однако лицо по-прежнему выражало решительность и непоколебимость.

- В общем, ничего они не считали, ни в чем не разобрались, а просто дружно подняли руки, потому что так начальство велело. Потому что им «спустили сверху».

Старик отхлебнул из чашки и пытливо взглянул на Сашку.

- Да ничего удивительного, Игорь Иванович. Воронов – типичный провинциальный советский руководитель. Безынициативный исполнитель воли своего начальства. Лишнего не сболтнет, глубоко вникать не станет. Меньше знаешь – лучше спишь. В общем, мыслит и действует в установленных рамках, за флажки не выйдет. Что вы от него хотите-то?

Сашка вопросительно посмотрел на старика. Тот молчал, казалось, он о чем-то задумался. Не дождавшись ответа, Сашка продолжил.

- И ведь мог бы этот Воронов под старость лет заиметь и собственное мнение, но, видимо, привычка подчиняться и не задавать лишних вопросов въелась настолько глубоко, что стала самой его сутью. Любой советский руководитель уважает властную вертикаль, возразить начальнику – дерзость немыслимая…

- Ты, Саша, всех-то советских руководителей под одну гребенку не стриги. Я ведь тоже имею к ним некоторое отношение. Но под твою характеристику совсем не подхожу. И не один я. Те, с кем довелось работать, тоже были другими.

В голосе старика почувствовалось недовольство. Сашка понял, что пора менять тему. Нужно поговорить о чем-то хорошем, приятном для старика. Он изо всех сил напрягся и даже наморщил лоб, но, как назло, не мог ничего придумать. Невольно старик сам пришел ему на помощь и сменил тему разговора.

- В общем, встречались мы с Вороновым раза два, не больше. Потому что после вот этого «спустили сверху» я прекратил общение. Ладно, давай в другой раз поговорим об этом. А на сегодня у меня есть история поинтереснее. Я кое-что хочу тебе показать.

Старик протянул синюю папку, на которой большими буквами было написано: «Проект индивидуального отопления и горячего водоснабжения в квартире по адресу…»

- Вы свое отопление решили в квартире установить? – изумился Сашка.

Он был немало удивлен, поскольку индивидуальное отопление в квартире было еще в диковинку и только-только входило в моду.

- Да, Саша. Мы с женой надумали вложиться в это недешевое мероприятие. Потому что платить за коммунальные услуги слишком дорого. А спроса с вас, как показывает жизнь, никакого. Только нервы портить. Я всяких жуликов, которые наживаются на обычных людях, терпеть не могу. Но это ладно. Самое интересное знаешь что? В этом проекте есть тот самый расчет, который мы с тобой обсуждаем. Выполненный профессиональным проектировщиком как-никак. Посмотри его.

Расчет отопления, представленный в проекте, был небольшой и занимал всего одну страничку. Конечной задачей автора было определить количество газа, которое потребуется для обогрева квартиры в отопительный период. И цифра, которую получил инженер-проектировщик, была впечатляющей. Это была… ну очень большая цифра.

- И как же это понимать, Игорь Иванович? Тут же ошибка не в разы, а на целый порядок. Для чего это все? Кстати, вы видите где ошибка?

- Вижу, конечно. Они удельный коэффициент, учитывающий тепловые потери через ограждающие конструкции, берут неверно. Моя квартира расположена на третьем этаже пятиэтажного дома. Она не угловая, граничит с другими отапливаемыми квартирами. Наружных ограждающих конструкций, через которые происходят теплопотери, у меня всего две. Это две наружные стены с окнами, одна из которых выходит на южную сторону. А они коэффициент теплопотерь принимают, как для частного дома, на шесть холодных поверхностей – на пол, потолок и четыре стены. А множество других факторов вообще не берут в расчет. Инсоляцию, например. Ты спрашиваешь, для чего это им надо? А кто их знает… Возможно, они просто не умеют делать этот расчет. Шпарят формально, по одному шаблону, по-быстрому. А может быть, в их действиях заложен определенный смысл. Вот смотри. Представим себе, что для отопления квартиры действительно требуется это самое невероятное количество природного газа. Что это означает? А то, что потребителя нужно будет как-то обеспечить этим расчетным объемом. Газ подается по трубам. В домах с горячим водоснабжением внутренний диаметр газовой трубы в квартире минимальный – всего полдюйма. Оно и понятно. Здесь из газовых приборов установлена только газовая плита. Теперь же, по их расчету, для снабжения котла-колонки требуется вот это огромное количество газа. Из этого следует, что нужно менять подающую трубу, увеличивать ее сечение. Мало поменять трубу только в квартире, сечение стояка придется тоже увеличить. Я живу на третьем этаже, и это значит, что мне придется договариваться с жителями первых двух этажей. Может быть, придется им даже заплатить. Но и это еще не конец. Газовую трубу, подающую газ в подъезд, тоже придется менять и увеличивать ее сечение с полутора дюймов до двух. И запорная арматура, расположенная на ней, потребуется другая. Вот так неверный расчет в конечном итоге создает массу проблем. А газовикам что? Получается, что они за мой счет свои старые трубы заменят на новые. Но главное-то не в этом. Мы знаем, что любые работы на газовом оборудовании могут выполняться только самими газовиками. Здесь они полные монополисты. Понимаешь? Они для себя объемы работ набирают. Они понимают, что у потребителя нет иного выхода, и он будет вынужден согласиться на любые условия. Они деньги таким образом зарабатывают. На нас, на тех, кому деться некуда. Совершенно бессовестным образом.

- Ну да. Похоже на правду. А вы что-нибудь пробовали делать? Как-то не соглашаться…

- Я был у этих девочек, которые делают расчет. Объяснял. Они ничего не хотят слушать. Им все равно. Теперь вот хочу сходить к прокурору. Для прокурора у меня есть еще одна интересная проблемка. Знаешь, сколько стоит получить технические условия на подключение котла? Три семьсот! Представляешь? Целых полпенсии моей. А как это дело происходит? Та девочка, что выдает техусловия, нажимает на компьютере кнопку - и из принтера выскакивает листок. Просто один листочек с текстом. Вот это и есть процедура выдачи технических условий. Без выхода на место, без учета каких-то индивидуальных особенностей моего оборудования. По шаблону, один листочек с никому не нужным типовым текстом. И за вот это ее действие я должен заплатить три тысячи семьсот рублей…

- Но все платят, Игорь Иванович…

- Платят и молчат, это я знаю. Но я ведь, Саша, не такой как они. Почему я должен соглашаться, ориентироваться на глупых людей? Да-да, глупых. Как же их по-другому назвать? Я тебе сейчас поясню.

Вот смотри. В моем понимании, эта плата за выдачу техусловий должна быть обеспечена выполнением какой-то реальной работы, затратами труда, затратами на материалы и всяким прочим, а не просто кнопочку нажать и листочек распечатать. Понимаешь? А у нас ведь что получается? Себестоимость их фактической работы равна стоимости листка бумаги и краски для текста, что на нем напечатан. Ну верно же? Тогда почему люди им платят? Их обкрадывают, а они платят! Что же они, не глупые по-твоему?

Старик был очень взволнован. Внезапно он встал со стула и принялся ходить по комнате.

- Саша, пусть мне кто-нибудь пояснит – почему газовая служба занимается поборами? Я прокурору попробую это растолковать. Напишу заявление и схожу.

Идея обратиться за помощью к прокурору немного успокоила старика. Он снова сел за стол и, пододвинувшись ближе, продолжил.

- Я еще вот о чем подумал. Возвращаясь к нашему нормативу. Населению плату за потребленное тепло выставляют, используя этот безумно завышенной норматив. Так? Так. Но у фабрик-то ваша контора это тепло покупает по факту, по показаниям прибора учета! Разница в объемах между нормативом и счетчиком наверняка космическая получается! В чей же карман она идет?

Сашка смотрел на старика и молчал. Он все больше и больше восхищался его логикой, кипучей энергией, его неравнодушием, неспособностью пройти мимо несправедливости, невозможностью смолчать. Сашку удивляла способность старика замечать то, чего другим людям почему-то не открывалось. А казалось бы, вот же оно, на поверхности.

Штрихи к личности

Непростую жизнь прожил старик. Его трудовая биография, начавшаяся на урановых рудниках Майли Суу, продолжилась на золотодобывающих приисках Якутии. Там пришлось начинать все сызнова, с чистого листа.

Задачу перед стариком поставили прежнюю - на новом месте построить и организовать работу автобазы для обслуживания приисков. Миссия оказалась непростой для здешних условий.

Несмотря на то, что к тому времени он стал хорошим, крепким профессионалом с приличным опытом, возникшие трудности поначалу показались вовсе непреодолимыми. Сама жизнь в условиях Крайнего Севера – испытание не для слабаков. Вечная мерзлота, морозы за пятьдесят, сильные ветра и короткое холодное лето. Все это для человека, прожившего перед тем больше двадцати лет в теплой солнечной Киргизии, стало настоящим экзаменом на твердость духа. Но старик не сдался. Выстоял, справился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.